

ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.И. Ильин

ИСТОРИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ГЛУБИНКИ

Само по себе прошлое не имеет ценности и даже не существует. Однако отдельные элементы повествования о нем могут приобретать актуальный символический смысл, обслуживающий потребности конструирования индивидуальной и коллективной идентичности. Историческое повествование может при наличии адекватных социальных технологий материализоваться в современную практику социально-экономического развития населенных пунктов. Историческое повествование в научной или мифологической форме, будучи привязанным к географическим объектам, демонстрирует способность превращаться в туристические достопримечательности как опорные точки современного социально-экономического развития населенных пунктов. Эта технология конвертации символических событий истории в опорные пункты развития туризма особенно важна для малых городов и деревень в российской глубинке, часто лишенных иного фундамента для современного роста. Индивидуальная идентичность конструируется через автобиографическое повествование, часто принимающее форму возвращения на малую родину. Коллективная идентичность конструируется через формирование туристических потоков, направляющихся к знаковым местам национальной или региональной истории.

Современная Россия демонстрирует немало примеров такой конвертации, которая идет, как правило, стихийно и на основе логики здравого смысла. Включение концептуальной модели трансформации истории — личной и коллективной — в стратегии территориального развития могло бы повысить эффективность этого процесса.

В данной статье теоретический анализ материализации прошлого в ресурсы современного социально-экономического развития опирается на данные эмпирического исследования российской глубинки в разных регионах страны, проводившегося в 2011–2014 гг.

Ключевые слова: автобиография, идентичность, прошлое, история, исторический миф, историческая идеология, малая родина, память, коллективная память, туризм, достопримечательность.

Ильин Владимир Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (ivi-2002@yandex.ru)

Ilyin Vladimir — Doctor of Sociology, Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (ivi-2002@yandex.ru)

Идентичность — индивидуальная и коллективная — в существенной мере конструируется через повествование о событиях, всегда разворачивающихся в тех или иных местах. Превращение памятных мест в туристические достопримечательности позволяет удовлетворять потребность в конструировании и личной, и коллективной идентичности, давая импульс местному развитию через туризм.

Прошлое в настоящем

Прошлое — это последовательность уже произошедших событий, локализованных в пространстве и во времени. В силу этого оно не может существовать в настоящем, поскольку время необратимо. Однако прошлое может лишь отражаться, конструироваться в практиках настоящего. В понимании прошлого много противоречий, которые в существенной мере вытекают из его расширительного толкования.

Например, Кубит утверждает, что есть два противоположных способа понимания отношения прошлого с настоящим. С точки зрения первого подхода, это отношение носит кумулятивный и причинно-следственный характер: прошлое — это все, что предшествует настоящему, связано с ним бесчисленным числом связей и, в конечном счете, порождает настоящее (Cubitt 2007: 26). Однако здесь речь идет не о прошлом времени, а о его осадках, основными формами которых являются непреднамеренные последствия (следы) и достигнутые результаты. В этом смысле прошлая деятельность создает обстоятельства, формирующие пространство возможностей и ограничений настоящего. Но эти осадки не являются прошлым временем. Они лишь его памятники, нередко обретающие принципиально иной смысл (например, храм превращается в туристическую достопримечательность).

С точки зрения второго подхода, отношения имеют прямо противоположный характер: не прошлое порождает настоящее, но настоящее порождает его с помощью аналитического или креативного воображения. Прошлое — это не то, что произошло, а наше ощущение прошлого, сконструированное как смесь размышлений и воспоминаний, исследований и репрезентации на основе воображения (Ibid). Но в данном случае речь идет не о прошлом времени, а о его репрезентации, а это совершенно разные реалии, не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга, если их обозначать разными категориями.

У места тоже есть прошлое, вторгающееся в настоящее в двойной форме: памятников (осадков) и интерпретирующих повествований о былом.

Память — это отпечаток прошлого в сознании человека. Платон очень точно схватил суть памяти: представление в настоящем отсутствующей вещи. Сократ определяет память с помощью метафоры восковой дощечки, а забвение — стиранием оставленных на ней отпечатков. Забывание — это их стирание. Память — это состояние психики. Место не имеет памяти, однако оно наполнено опорными сигналами, провоцирующими историческое воображение. Кроме того, место включается в память как сцена прошедших представлений.

Коллективная память — это совокупность памяти индивидов. Системное качество тут не получается, т. к. психика с психикой не складывается. Коллек-

тивная память — это поток параллельно помнящих индивидов. Память является свойством психики, которая индивидуальна.

Правда, есть и иное понимание этого феномена как собственно коллективной памяти (например, Хальбвакс 2005). Однако то, что часто называют коллективной или социальной памятью, имеет столько же общего с собственно памятью, как сознание с общественным сознанием. Это разные реальности. «Социальная память — это имя, которым мы нарекаем процесс, посредством которого знание и осознание социального прошлого производится и поддерживается в человеческих обществах» (Cubitt 2007: 26). Иначе говоря, под социальной памятью часто понимается технология поддержания памяти. Однако это совершенно разные реальности. Исторические памятники и монументы не являются проявлением коллективной памяти. Это материальные напоминания о событиях национального и местного масштаба. Кроме того, есть коллективные практики синхронизации памяти, которые часто принимают форму празднования разного рода исторических юбилеев.

Индивидуальная память, совпадающая по содержанию с памятью других людей, от этого не становится коллективной. Кроме того, регулярно за коллективную память выдают разные формы повествования о прошлом (научную историю, мифологию), но это явления совершенно иного рода. Знание содержания исторических книг или фильмов не формирует коллективной памяти. Это историческое сознание, которое имеет природу, существенно отличную от памяти.

Коллективная память — это результат не только общего коллективного опыта, но и его институционализированной структуризации. С помощью системы образования, СМИ, массовой культуры, городской архитектуры и скульптуры одни эпизоды прошлого акцентируются в памяти, а другие стираются. Кроме того, памяти о собственном опыте навязывается общая интерпретация. Сами по себе эти материальные факторы не представляют собой проявлений коллективной памяти, это инструменты ее стимулирования и унификации структуры. Существенную роль в этом процессе играет внешний вид населенных пунктов, который несет на себе следы прошлого или тщательно очищен от них. Таким образом, пространство города или села — это один из инструментов формирования коллективной памяти как процесса коллективного воспоминания.

Повествования о прошлом можно разделить на два основных вида. Во-первых, это *автобиография* — повествование о собственной жизни, т. е. артикуляция личной памяти (индивидуальная история). Во-вторых, научное историческое повествование как попытка обобщения коллективного опыта, часто никак не связанного с памятью. Как отмечает П. Рикёр (Рикёр 2004: 180), «в своей декларативной фазе память вступает в сферу языка: произнесенное, высказанное воспоминание уже есть своего рода дискурс, который субъект адресует самому себе». *История* — это не то, что объективно было в прошлом, а то, что рассказывается о нем сейчас на языке науки. Она имеет повествовательный характер, а потому неизбежно является субъективным продуктом, несущим на себе отпечатки рассказывающего субъекта. История имеет авторов (часто ано-

нимных) и предмет. Объективно ушедшее прошлое — это ее предмет. Историческое повествование локализовано в отрезках времени и конкретных датах, в конкретных местах.

Повествование никогда не может быть точной копией прошлого. Оно субъективно по определению. Нельзя рассказать обо всем, что было. Во-первых, далеко не все из прошлого поддается распознаванию. Не все было явно, не все оставляет убедительные доказательства реальности происшедшего. В результате действия этого объективного фильтра история всегда селективна. Во-вторых, автор повествования при всем своем желании не может освободиться от деформирующего рассказ груза ценностей. Они усиливают селективный рассказ повествования, обостряя интерес к одним событиям, выводя другие в категорию «малозначимых» или вообще «не доказанных». Ценностные ориентации рассказчика распределяют сомнения по пространству событий неравномерно, выводя на первый план одни и уводя в сторону или вообще за пределы реальности другие. Одним из факторов деформации истории является место проживания автора. В результате мировая история в каждой стране выглядит по-разному уже хотя бы потому, что родная страна (как бы мала она ни была) оказывается ее важным субъектом. В истории же государства часто чувствуется краеведческий перекосяк (родные места имеют больше шансов быть замеченными).

Марк Блок называл историю наукой, создаваемой по следам. Это повествование осуществляется в соответствии с научными правилами, среди которых особое место занимает обоснование достоверности суждений с помощью источников. Соблюдение этого принципа дает основание претендовать на научную объективность, т. е. на максимальное соответствие картинке прошлому. Однако нехватка источников имеет перманентный характер, что открывает простор для исторического воображения. Выбор тем несет четкий отпечаток ценностных ориентаций.

Распространенной формой повествования о прошлом является *историческая мифология* — это массовое историческое сознание. Часто его смешивают с исторической памятью. Это не одно и то же. Память — это отражение в сознании событий, свидетелями которых (прямо или косвенно) данные люди были. Сведения о прошлом, вбитые школьным образованием, художественными фильмами и популярными телепередачами, не стоит относить к исторической памяти. Историческая мифология не нуждается в научном обосновании используемых фактов. Они просто констатируются и опираются на веру, растущую из социальных интересов и ценностных ориентаций, поэтому исторический миф выполняет мировоззренческую функцию. Одни люди пересказывают одни мифы, другие — иные. Повествование о прошлом, приобретая мифологическую форму, предельно упрощается, лишается противоречий, деталей и полутонов. В мифе все просто и ясно. О мифе бесполезно спорить. Можно только верить или не верить. Исторический миф выполняет важную мировоззренческую функцию, обеспечивая людям систему координат в историческом времени и пространстве. В силу этого миф насыщен географическими названиями.

Историческая идеология — это система обоснования идеологических постулатов, описывающих настоящее, с помощью исторического материала, показы-

вающего корни текущих процессов в прошлом. Немалое место в ней занимают географические названия, формирующие систему координат истории государства и народа. В результате национальная, а нередко и глобальная история локализуется.

Историческая топология — это разметка географического пространства путем привязки конкретных мест к событиям, выделенным исторической наукой, мифологией или идеологией. В рамках этой логики географическое пространство — это пространство воспоминаний и размышлений о прошлом. Можно сказать и иначе: это культурное пространство населенных пунктов как текст, повествующий о прошлом. Историческая топология — это социальная топология (в терминах П. Бурдьё), обращенная в прошлое.

Историческая топография позволяет, гуляя пальцем по карте или пешком по местности, указать на конкретное место: «Здесь произошло это...!» Если данное событие что-то значит для слушателей, то оно приобретает свойства исторической достопримечательности. Конкретное место приобретает свойства опорного сигнала, вызывающего ассоциации с сюжетами исторического сознания. Такое место воспринимается как аутентичный элемент прошлого. Историческая топография имеет свойство выступать в качестве системы опорных сигналов, активизирующих воспоминания об известных фактах истории. В рамках автобиографического повествования логика сохраняется, хотя меняется масштаб: «Это деревня, где я когда-то...».

Конструирование идентичности, укорененной в прошлом, проявляется в разных типах мобильности — туризме, дачной маятниковой миграции, поездках в гости. Как верно отмечает Джон Урри, «*идентичность человека стала выстраиваться через долгосрочные соединения с другими местами*» (Урри 2012а: 219). Я — это не только места, где я жил, но и места, которые я посетил. Конструирование идентичности представляет собой процесс удовлетворения одной из базовых потребностей человека — потребности в принадлежности к группе или сообществу. Соответственно, возвращение к местам, где прослеживаются уходящие в прошлое корни этой идентичности — тоже насущная потребность. Эти места сакрализируются на уровне и государственной политики, и индивидуального сознания.

Туристические поездки в такие места играют важную роль в формировании идентичности нации. В этой связи Дж. Урри пишет о «*нациеобразующей роли путешествий*», которые «*вносят вклад в укрепление культурного представления о существовании воображаемой нации*» (Урри 2012б: 214–215). Таким образом, здесь в одной точке происходит пересечение разнообразных интересов: государство использует сакрализуемые места для конструирования воображаемой нации, индивиды реализуют потребность в принадлежности к нации, а часто одновременно и к роду, а местные власти получают в этом еще один ресурс развития своего городка, района или области.

Место как малая родина

Малая родина — это место, занимающее ключевое место в автобиографии (личной истории) индивида, обладающее для него силой притяжения, застав-

ляющего возвращаться туда в форме воспоминаний или поездок. В последнем случае возвращение предполагает привнесение в данное место дополнительных ресурсов. В одних случаях они очень незначительны (например, ремонт крыши родного дома), в другом — весьма заметны (появление частных или государственных инвестиций в экономическое или социальное развитие).

Место, где индивид родился или прожил какую-то часть своей жизни, не становится малой родиной автоматически. Предпосылкой превращения факта автобиографии в факт нынешней социальной реальности является наличие духовной связи, влекущей индивида к возвращению — в форме кратковременного визита или навсегда — на место, которое включено в его биографию. Если такой связи нет, то место может быть простой точкой в автобиографии, не обладающей никакой энергетикой притяжения. Нередко место рождения или детства не оставляет в воспоминаниях никаких позитивных впечатлений, а то и остается мрачным пятном, которое лучше поскорее забыть. Очень многие люди, уезжая из родных мест, никогда даже в мыслях не возвращаются назад. Такое место факт автобиографии, но отнюдь не малая родина. В категории малой родины несуществующее прошлое (оно ушло, оставшись в лучшем случае отпечатком в памяти) превращается в энергию, материализующуюся в очевидные социальные практики возвращения.

Сила личного притяжения места включает разные механизмы, на которых стоит остановиться. Они обладают разной природой, однако следствия их действия проявляются на поверхности в схожих формах воспоминаний и поездок в места рождения или детства. Такая точка на географической карте индивида нередко обозначается неформальным термином «родные места».

1. Притяжение родительского дома. Оно опирается на чувства привязанности и / или долга. Родители живут в месте рождения индивида, поэтому притяжение места принимает форму притяжения родительского гнезда. Сюда могут ехать, потому что испытывают привязанность к родителям, скучают по ним. Это особенно часто проявляется в поведении школьников, недавно уехавших из дома. В этом случае точкой притяжения является только родительский дом — понятие, включающее в себя и близких людей, и место, выполняющее функцию опорного сигнала, провоцирующего приятные воспоминания о розовом периоде биографии. Со временем это притяжение ослабевает. Человек взрослеет, учится жить вдали от родительского дома, создает собственный дом, формирующий альтернативный очаг притяжения.

Возвращение в родительский дом успешного мигранта обычно предполагает помощь родителям в решении их материальных проблем, в ремонте или реконструкции дома, уходе за садом и т. д. Иначе говоря, возвращение в родительский дом представляет собой пусть и кратковременный, но миграционный импульс развития места.

2. Притяжение круга друзей и близких людей. Этот круг сложился в детские и / или подростковые годы, обеспечивая комфортную социально-психологическую среду. Отъезд на новое место приводит к потере этой среды, в то время как на формирование новой требуется время, нередко значительное. В результате на новом месте переживается чувство пустоты, нехватки атмосферы, в которой

человек раньше спасался от одиночества, чувствовал себя принадлежащим к сообществу, в котором его любили, уважали и понимали. Этот круг тесно связан с местом, поэтому притяжение круга превращается в притяжение малой родины. Устойчивость такого круга исторически изменчива и варьируется от места к месту. В советское время из малых городов уезжали в основном те, кто смог поступить в вузы. Как правило, это была лишь часть сверстников, поэтому студент на каникулы возвращался в привычный круг оставшихся друзей, в который на время вливались другие студенты. В то же время было немало населенных пунктов, откуда уезжала почти вся молодежь — кто учиться, кто работать. Главное уехать. В XXI в. демографическая яма совпала с расширением системы вузовского образования, что позволило почти всем выпускникам средней школы поступать в высшие или, в крайнем случае, средние специальные учебные заведения. В этом случае данный механизм притяжения места сводится к минимуму. Он поддерживается в основном за счет студентов, которые на лето приезжают к родителям. В результате малая родина — это место, куда в одно время возвращаются друзья. Однако со временем эти приезды становятся все короче и реже, не совпадают во времени. И появляется мотив не ехать: «Оттуда уже все разъехались. Там уже не с кем пообщаться».

В первом и во втором случае малая родина — это люди, к которым тянет. Этот принцип формулируется в виде расхожей сентенции: место — это люди. Данный тип притяжения места переплетается с притяжением времени: эти люди в этом месте когда-то формировали уютную атмосферу. Встреча с ними в настоящем — это попытка реанимации ушедшего духа времени и места.

3. Притяжение места привычного отдыха. Вероятно, есть немало мест, где лучше, однако притяжение малой родины опирается на привычку, на ценность предсказуемости. Тут все знакомо, что для любителей стабильности представляется большой ценностью. Они не ищут нового, им главное — возможность отдохнуть с наименьшей головной болью. И малая родина, если она расположена в благоприятных природно-климатических условиях, является оптимальным местом отдыха. Кроме того, хорошее знание места и людей, а часто и наличие бесплатного жилья (у родителей или родственников) усиливают притяжение места экономическими соображениями. В результате поток ресурсов, который прочие отдыхающие увозят в другие страны и края, в этом случае направляется в малый населенный пункт, где родительский дом приобретает функции дачи.

4. Притяжение наследства. Родные умирают, оставляя наследство родственникам, среди которых немало и тех, кто уехал из родного села или города. И это событие становится важным фактором, формирующим притяжение малой родины. В наследстве переплетаются чувства и экономическая рациональность. С одной стороны, даром достался не просто дом (квартира), а то место, в котором прошло детство. В силу этого оно нагружено дополнительной ценностью, что выступает барьером на пути решения продать его. С другой стороны, рыночная стоимость часто уже обветшавшего наследства в глубинке столь низка, что рациональные аргументы против продажи переплетаются с эмоциональными. Если же родное место оказывается более или менее подходящим для

отдыха или для производства сельхозпродукции, то появляется еще один рациональный аргумент: превратить родной дом в дачу. Так появляется большое количество вынужденных дачников. Некоторые из них с выходом на пенсию переселяются в родные места на постоянное жительство, по возможности сохраняя жилье и регистрацию в большом городе (для детей, для сдачи в аренду и «на всякий случай»).

5. Притяжение родительских могил. Родители часто умирают на малой родине. Там же их, как правило, и хоронят. Место на кладбище для хороших детей приобретает сакральный характер. Долг гонит периодически возвращаться на малую родину, чтобы привести могилы в порядок. Этот импульс переплетается с иными мотивами (например, отдых, встреча с родственниками, старыми друзьями).

6. Притяжение близкой культурной среды. Регионы страны отличаются не только природно-климатическими условиями, но и особенностями региональной культуры. Различия между Кубанью и Архангельской областью во многих отношениях равнозначны этническим. Человек, выросший в определенной культурной среде, отдыхает душой, возвращаясь к знакомым и близким образцам поведения.

7. Малая родина как этнический очаг. Значительная часть коренных жителей национальных республики России проживает в русских городах. Для них малая родина — это место, где господствует родной язык, свои обычаи и религия. Периодическое возвращение туда — это возможность психологической разгрузки с помощью погружения в свою культурную среду, где можно расслабиться и жить не по чужим, а по своим правилам. Однако после долгой жизни в больших городах редко кто согласен, даже при наличии экономических возможностей, вернуться в родные селения навсегда. Малая родина для большинства остается гаванью, где приятно укрыться от житейских штормов, но жить в которой невозможно.

8. Малая родина — как родовое гнездо, с которым не связаны факты личной автобиографии. Здесь жили предки, что является причиной возвращения к месту, куда уходят корни рода. В качестве такой малой родины выступают бывшие дворянские усадьбы, куда совершают паломничество потомки, живущие и в России, и за рубежом. Потомки российских немцев нередко едут из Германии в те места России, где когда-то жили их предки.

Кейс: Малая родина Качаловых

Одним из ярких примеров малой родины как социального ресурса развития места является история имения Хвалевское в Вологодской области — усадьбы старинных дворянских родов Качаловых и Долгово-Сабуровых, к которым во второй половине XIX — начале XX вв. принадлежали два губернатора Архангельской области и родная бабушка поэта А. Блока. У этого имения была типичная, хотя и более счастливая судьба (его не сжигали, не взрывали). В 1917 г. здесь располагались местные органы власти, в 1919 г. — средняя школа, в годы Великой Отечественной войны — военный госпиталь, а после войны — снова школа и интернат. Однако в 1990-е гг. в связи с сокращением численности уча-

щихся школа закрылась, а здание было заброшено и имело все шансы превратиться в типичные руины.

Однако в 2006 г. проводилось празднование 380-летия села Борисово-Судского, на территории которого и располагается усадьба, которой в этот же год исполнилось 150 лет. На празднование были приглашены прямые потомки Качаловых — семьи Тутолминых и Головкиных. Именно тогда на стыке интересов потомков помещиков и местных властей возникла идея восстановления усадьбы. В 2007 г. это место посетили потомки трех ветвей рода. В результате было принято решение о восстановлении усадьбы. В 2009 г. был организован аукцион, на котором усадьба и прилегающая к ней территория были приобретены семьей правнучки строителя усадьбы. И в том же году начались реставрационные работы. Уже в 2010 г. на средства семьи правнучки Качалова и при участии местных жителей был восстановлена и заново освещена церковь Покрова. В ходе реставрации была заменена кровля, ликвидированы поздние видоизменения в планировке, проведено отопление и коммуникации, отреставрированы архитектурные детали. В 2013 г. усадьба была формально открыта. Репортаж об этом событии был показан и по российскому телевидению, и по ВВС, что сделано это событие явлением национального масштаба. Примечательно, что усадьба открыта для широкой публики. С 2013 г. здесь начались занятия художественной школы. Планируется открытие воскресной школы и музея. В парадном зале предполагается организация камерных концертов. Комнаты анфилады открываются в специальные дни открытых дверей. В том же 2013 г. департамент культуры и охраны объектов культурного наследия Вологодской области внес здание усадьбы в список объектов культурного наследия, что предполагает их государственную охрану.

Малая родина как социокультурное поле индивидуального притяжения материализуется в разных практиках возвращения.

1. Место разовой туристической поездки. Бывшие жители возвращаются в места, которым они приписывают статус родных, чтобы оживить воспоминания прошлого. Разумеется, как и любой туризм, такие поездки означают привлечение в этот населенный пункт дополнительных денег, которые тратятся на питание, проживание, а порой и развлечения.
2. Дачное место. Если место превращается в малую родину, если она расположена в благоприятной для отдыха зоне, то велика вероятность приобретения здесь дачи. В одних случаях она имеет форму наследства, в других — простой покупки дома или квартиры. Место становится пунктом маятниковой миграции, куда инвестируются средства в поддержание жилья.
3. Место окончательного возвращения. Малая родина нередко выступает в качестве места, привлекательного в качестве «финальной гавани», в которую возвращаются либо после неудачных попыток найти удачу в иных местах, либо после выхода на пенсию. В родные места привозят средства, которые инвестируют в приобретение или модернизацию жилья. Кроме того, нередко возвращающиеся люди — это обладатели ценных для глубинки культурных и социальных ресурсов.

4. Место, откуда не удалось или не захотелось уехать. Эта модель строится на возвращении после ментального путешествия в форме мечты или планов куда-то уехать. Поле малой родины, обладая значительной силой удержания, может предотвратить переход от стадии мечтаний к реальной миграции. И тогда возникает рационализация прерванного еще до старта путешествия: «где родился, там и пригодился», «от добра добра не ищут», «зачем куда-то ехать, если и здесь можно нормально жить» и т. п.
5. Малая родина как исторический памятник (см. выше об усадьбе Хвалевское).

В большинстве случаев малая родина — это место притяжения людей с ограниченными ресурсами, которые инвестируют в ремонт и строительство своего дома и текущее потребление. Это оказывает ограниченное влияние на развитие малого населенного пункта, но даже один отремонтированный дом — это уже вклад, а если возвращающихся на малую родину заметное число, то данный процесс превращается в весомый фактор местного социального развития. В России уже немало населенных пунктов, развитие которых уже трудно представить без поддержки уехавших земляков.

Нередко место в глубинке оказывается малой родиной человека с большими ресурсами (политическими, экономическими или административными). Это может оказаться подарком судьбы для населенного пункта, лишенного иных ресурсов, поскольку любовь к малой родине может объективироваться в изменении траекторий государственных инвестиций. Нередко такой крупный ресурсодержатель отдает преференции своей малой родине, направляя туда инвестиции по одной-единственной причине: это его родина. Так в 1970–80-е гг. малая родина тогдашнего лидера Болгарии Тодора Живкова (Правец — сначала село, а затем город) была превращена в витрину страны, которую показывали всем туристам — иностранным и местным. Здесь был построен один из первых в Восточной Европе заводов по производству компьютеров, которые получили имя «Правец». Во многих регионах России можно найти малые населенные пункты, производящие впечатление успешности и по чудесному совпадению являющиеся малой родиной местного губернатора, сенатора или федерального депутата. В таких случаях знаменитый и влиятельный земляк становится патроном места, которое является для него малой родиной. Если направляются большие ресурсы, то патронаж земляка преобразует весь облик населенного пункта. Если патрон не столь могущественен или щедр, то на его малой родине появляются отдельные объекты, построенные на бюджетные средства благодаря его лоббированию. Например, В.А. Штыров, уроженец поселка Хандыга на федеральной трассе «Колыма», с 1991 г. занимал крупные должности в Республике Саха (Якутия): министр, вице-президент, президент АК «АЛРОСА», президент республики (2002–2006), сенатор Федерального собрания от республики, заместитель председателя Совета Федерации РФ (с 2010 г.). В поселке Хандыга появление главных примет развития (Дом культуры, православный собор, школа) местные жители связывают с поддержкой именно своего влиятельного земляка.

**«Малая родина выдающегося человека»
как проект развития населенного пункта**

Совершенно иным по смыслу, хотя и похожим по форме проектом является «малая родина выдающегося человека». В этом случае сам «выдающийся человек» мог и не считать это место своей малой родиной, обладающей силой притяжения. Однако его имя, обладающее свойствами бренда, используется для брендинга территории. Такой проект предлагает взгляд на мировую, отечественную или локальную историю через призму биографии выдающейся личности.

Масштаб личности предопределяет и силу бренда как формы культурного капитала, инвестируемого в развитие места. В крайних случаях происходит интеграция брендинга национального и даже мирового масштаба с усилиями местной власти и общественности. Иначе говоря, «наше все» соединяется с «именно здесь родился (жил, работал и т. п.) X». В советское время обычный областной город Ульяновск превратился в «родину Ильича», куда были инвестированы огромные средства не только на создание мемориального комплекса, музея, но и в общее развитие города. Город Гори — один из древнейших городов Грузии, однако в советское время он стал центром идеологического паломничества, там был создан огромный музей Сталина, обладающий высоким уровнем туристической привлекательности и по сей день. Кроме того, благодаря этому и город в целом получил мощный импульс к развитию.

Аналогичным образом мировой и национальный бренд «Пушкин» стал фактором развития целой зоны в Псковской области. В настоящее время это Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское». До 1899 г. здесь была заурядная помещичья усадьба, находившаяся в собственности потомков поэта, затем имение было выкуплено государством. В 1911 г. тут был создан музей А.С. Пушкина, разоренный в годы революции и Великой Отечественной войны. Однако союзное правительство, раскручивая бренд «Пушкин», инвестировало большие средства в создание в этих местах туристической достопримечательности, бренд которой по своей значимости выходит за национальные рамки. Схожим путем шло развитие бывших усадеб целого ряда других классиков русской литературы (например, Ясная Поляна, Болдино, Тарханы, Спаское-Лутовиново и др.).

Кроме того, имена-бренды меньшего масштаба также используются в качестве символического капитала, инвестируемого в местные проекты. Примером такого проекта является село Никольское в Вологодской области, где находился в детдоме и жил в детские годы (1943–1950 гг.) и некоторый период после поэт Николай Рубцов. Город Ейск в Краснодарском крае давно использует имя великого борца Ивана Поддубного в качестве элемента собственного бренда.

«Малая родина выдающегося человека» — это модель развития, которая не приводится в действие автоматически по факту наличия в биографии данной личности имени этого места. Это процесс социального конструирования, требующий больших инвестиций не только денег, но и креативности. Социальное конструирование такой исторической достопримечательности включает несколько типовых фаз:

1. Раскрутка имени с целью его превращения в бренд. Основными инструментами являются программы школьного образования (федеральный и / или местный компоненты), научные и краеведческие учреждения, органы власти и общественность, СМИ.

2. Создание биографической легенды о жизни выдающего человека. В отличие от научной биографии, она адаптирована для нужд массовой культуры и / или воспитания. Легенда лаконична и насыщена деталями, повышающими интерес к биографии, стремится к превращению в увлекательное повествование. Для широкой публики она часто насыщается пикантными подробностями. Например, в доме-музее Н.М. Рубцова продается большая по объему книга, посвященная убийству поэта, насыщенная пикантными деталями его жизни. Школьникам села Никольское поэт предлагается как образец для подражания. В школе есть его музей, стены заведения украшены его портретами и цитатами из его произведений, дети изучают не только его стихи, но и его биографию. Поскольку Н.М. Рубцов был классическим примером лишнего человека, на примере которого можно учить, как не стоит жить, то его биография для этой целевой аудитории адаптирована к жанру легенды.

3. Проведение мероприятий, посвященных выдающемуся выходцу из этого места. На одном полюсе — разовое юбилейное мероприятие, на другом — ежегодные чтения (конференции) и систематические экскурсии для жителей (особенно школьников) региона и при удачном стечении обстоятельств — для туристов из разных регионов страны. Например, с 1998 г. в Вологде проводится открытый фестиваль поэзии музыки «Рубцовская осень», участники которого посещают село Никольское.

4. Создание музея данного выдающегося человека. При удачном развитии проекта это государственный или муниципальный музей, при менее удачном варианте — музей на общественных началах при местной школе. Так, в селе Никольское в здании бывшего детского дома, где жил поэт, создан Дом-музей Н.М. Рубцова, кроме того, есть еще и школьный музей.

5. Разметка местного пространства в терминах биографии данной личности: «здесь он родился», «здесь бывал у друга», «тут учился», «сюда ходил купаться» и т. д. Именно в таком духе ведется экскурсия по с. Никольское, включающая в себя чтение стихов Н. Рубцова на берегу реки, отраженном в его творчестве.

6. Модернизация транспортной инфраструктуры (прежде всего, строительство или ремонт дороги с целью превращения достопримечательности в доступное место). Всю свою длительную историю с. Никольское было оторвано от основной транспортной инфраструктуры Вологодской области, чтобы добраться туда, нужно было ехать объездными путями и использовать переправу через реку. И тот факт, что в середине 2000-х гг. сюда наконец-то была построена дорога с твердым покрытием, видимо, в немалой мере объясняется конструированием Никольского как туристической достопримечательности.

7. Модернизация социальной инфраструктуры места (гостиницы, кафе), приведение в порядок всего населенного пункта или прилегающей к достопримечательности территории. В селах масштаба Никольского обычно не предполагается гостиниц. Здесь же создан дом, по своим параметрам напоминающий хостел, где

поклонники творчества Н. Рубцова могут найти приют. Для обслуживания небольшого, но уже заметного потока туристов задействована школьная столовая.

8. Подготовка экскурсоводов и краеведов, которые хорошо знают локальные аспекты биографии выдающейся личности и способны превратить свои знания в элемент туристического продукта. Так, в с. Никольское уже несколько человек в состоянии провести квалифицированные экскурсии и по музею, и по селу.

Материализация прошлого

Одним из важных инструментов конструирования коллективной идентичности является прикосновение к историческим местам, посещение которых стимулирует воображаемое путешествие во времени. Потребность в конструировании идентичности стимулирует развитие туризма как экономической активности, обеспечивающей развитие малых населенных пунктов глубинки, часто не имеющих иных точек роста.

Прошлое ушло, однако не всегда, но часто оно оставляет на местности следы (осадки), имеющие разную форму.

Во-первых, это материальные памятники прошлого: архитектурные сооружения (здания, укрепления, дороги и т. п.) и их остатки. Сами по себе материальные следы прошлого ничего не говорят. Они начинают обретать смысл, только будучи погруженными в контекст определенного исторического повествования. Без такого повествовательного контекста это просто камни или функциональные сооружения, которые нет смысла рассматривать как самостоятельный объект.

Во-вторых, это реконструкция исторических объектов, которые то ли были, то ли не были. Иначе говоря, это создание современных копий старинных объектов. В этой форме материализуются разные формы исторического сознания. В реконструкции можно выделить несколько стилей.

- (а) Реконструкция исчезнувших объектов по документам, сохранившим информацию об их прежнем облике (научная реконструкция). Чаще всего это внешне достоверная реконструкция ушедшей формы при полной модернизации начинки, позволяющей вписаться в современную жизнь во всем многообразии ее функций.
- (б) Реконструкция исчезнувших объектов при отсутствии достоверной документации. В лучшем случае основой реконструкции являются оставшиеся фундаменты. В случае с памятниками деревянного зодчества это реконструкция либо по спорным с точки зрения достоверности рисункам, либо по аналогии с памятниками в других местах.
- (в) «Реконструкция» по мотивам образцов ушедшей эпохи (стилизация). Это полет современного историко-архитектурного воображения, результатом чего является создание современных во всех отношениях сооружений, откровенно имитирующих стилистику давних времен, а иногда — и дальних стран (яркий пример — реконструкция центра Йошкар-Олы, позволившая сделать его туристической достопримечательностью). Чаще всего за такой реконструкцией стоит не историческая наука, а историческая мифология или даже попытки мифотворчества, предпринимаемые с нуля.

При любом стиле реконструкция представляет собой создание исторических памятников XXI в., стимулирующих воображение к путешествию во времени. Статус их сомнителен. В них почти нет аутентичного материала, но есть процесс воссоздания аутентичной формы. В этой связи встает вопрос о сущности материальной культуры: это способность сохранить памятники в максимально сохранном виде и / или способность возродить навыки их строительства в принципиально иную эпоху? Однако памятники-реконструкции в современном мире — широко распространенная форма создания исторических достопримечательностей.

В-третьих, это места, лишенные всяких следов прошлого, будь то в форме аутентичных памятников или реконструкций. Это место, которому на основании достоверных исторических источников, мифов или легенд приписывается статус достопримечательности. Сейчас здесь ничего нет такого, что напоминало бы прошлое. Однако если напрячь воображение, то можно вызвать дух времени и места, наполняющий повествование возвышенным переживанием. В данном случае достопримечательность приобретает форму сугубо коммуникативного продукта: это информация, переданная потребителям, которые без посредника ее никак не смогли бы распознать. Посредники — это проводники, экскурсоводы, которые приведут на это место и скажут: «Это событие имело место именно здесь!» Или расскажут о событии, о котором посетители до этого и не ведали. Классическим примером является Поле Куликово в Тульской области. Летописи дают расплывчатое и противоречивое указание о месте битвы, слабо подтверждаемое археологическими данными. Таким образом, заметных материальных следов прошлого фактически нет. Однако в этом месте еще с XIX в. начался процесс меморализации: построен монумент Дмитрию Донскому (1880 г.), православный храм (1917 г.). С 1960-х гг. здесь проводятся экскурсии, создан филиал Тульского областного краеведческого музея, а в 1996 г. — Государственный военно-исторический и природный заповедник «Поле Куликово». С 1997 г. здесь проводится международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово».

В-четвертых, это реконструкция ушедших в прошлое рутинных процессов. Чаще всего предлагается реконструкция ремесленных мастерских, лавок. Современные люди, используя старинные инструменты или их копии, изготавливают «старинные» вещи. Во многих регионах России идет возрождение почти забытых народных промыслов, продукция которых в современных условиях приобретает статус сувениров. К этой же категории относится обучение верховой езде в соответствии с традициями данного места или демонстрация искусства таковой езды (кубанские станицы). Привязка к конкретному месту с обоснованием исторической достоверности связи места и воспроизводимого процесса совершенно не требуется. Чаще всего это процессы, привязанные к данному региону. И выбор именно данного места — результат исключительно наличия инициативных и креативных людей, взявших на себя инициативу. Иначе говоря, человеческий капитал может конвертироваться в исторический ресурс на любом месте.

В-пятых, это реконструкция уникальных исторических событий. Наиболее популярный вариант — исторические реконструкции конкретных битв прошлого.

Памятники пульсирующего исторического процесса

Прошлое — это процесс, структурные конфигурации которого регулярно меняются под влиянием целой системы факторов — технических, экономических, политических, природных, религиозных. Применительно к рассматриваемой здесь теме достопримечательностей это означает, что потоки жизненно важных ресурсов периодически меняют свое «русло», оставляя некогда важные центры далеко в стороне от современной жизни. В результате один и тот же населенный пункт, вполне естественно оставаясь веками в одной и той же точке физического пространства, мигрирует в пространстве социальном: когда-то он возник как крепость или торговый центр, но потом ресурсные потоки пошли иными путями и он оказался не у дел, вполне закономерно превратившись в тупик как крайний вариант глубинки. Материальные свидетельства былого расцвета и даже величия превращаются в архитектурные или археологические памятники, которые в чистом виде интересны только историкам, движимым интересом к достоверной реконструкции прошлого. Для местного населения они не представляют никакого интереса. В лучшем случае это запущенные архитектурные сооружения, эстетическая ценность которых для данного населенного пункта сомнительна. В худшем случае это развалины, придающие всему населенному пункту убогий вид, создающие гнетущее впечатление. Примером такого отсечения важных центров от потоков современной жизни являются Старая Ладога, Изборск, Тотьма и множество других старинных городов и сел в европейской части России. Так, Изборск, первое упоминание которого датируется 862 г., согласно летописи, стал местом, которое досталось младшему брату Рюрика — Трувору. На протяжении веков он был важной крепостью, а потом оказался не у дел и к нашему времени превратился в умирающее крошечное село.

Однако такие памятники могут превращаться в достопримечательности, которые выполняют уже функции социальных ресурсов. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда памятник вписывается в идеологически значимую историческую концепцию. Государство как распорядитель бюджета не даст серьезных денег, необходимых для превращения памятника в достопримечательность, если за этим стоит только научный интерес. Совершенно иную ценность в глазах власти приобретает памятник, превращающийся в свидетельство реальности идеологической концепции, ищущей глубокие исторические корни. В этом случае инвестиции в памятник или систему памятников принимают форму вложения в государственную идеологию и патриотическое воспитание граждан. Затем идеологический ресурс конвертируется в финансовые инвестиции, проекты реставрации и модернизации памятника и населенного пункта.

В связи с превращением Украины в независимое государство возникает потребность в историко-идеологической реструктуризации географического пространства России, усилению в нем роли Северо-Восточной Руси. Кроме того, это территории, которые пострадали не от войн, а от собственного государства (разрушение церквей). Здесь совпадает идеологическая потребность в материализации истории с наличием большого количества пока еще поддающихся реставрации памятников. И глубинка этого региона может от этого выиграть.

Этот процесс существенно различается в больших городах и в глубинке. В первом случае идеологические факторы играют роль повода для давно назревшей модернизации важного для страны города. Так, в 2003 г. праздновалось 300-летие Санкт-Петербурга. Под эту дату был проведен целый ряд масштабных мероприятий по модернизации сильно обветшавшего города, занимающего одно из ключевых мест в поселенческой структуре страны. Затем аналогичным образом под предлогом 1000-летия Казани была проведена модернизация и этого города, продолженная под предлогом проведения Универсиады.

Населенные пункты в глубинке не могут рассчитывать на такую логику конвертации исторического ресурса в федеральный проект. Сами по себе они не обладают ценностью, поэтому простого исторического предлога недостаточно для их модернизации. В то же время, в отличие от больших городов, места в глубинке в силу своей исключенности из больших потоков оказываются в гораздо лучшей сохранности, тут можно увидеть аутентичный ландшафт прошлого, который сохраняется только в ситуации социального застоя. Тут возможны минимум два варианта рационализации конвертации истории в социальный ресурс:

1. Место в глубинке превращается в федеральный проект, получив статус символического ресурса национального масштаба. Яркий пример такой конвертации — Изборск (Псковская область). Запущенный до предела и забытый исторический памятник вдруг приобрел особую значимость, поскольку Киев, «мать городов русских», вдруг стал столицей иностранного государства, что лишило Россию материнского очага на своей территории. И тут всплыл Изборск как очаг собственно русской культуры и государственности. 16 января 1996 г. постановлением Правительства РФ был создан Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск». 7 июня 2010 г. Д. А. Медведев подписал указ «О праздновании 1150-летия основания Изборска». Организация празднования была вынесена на федеральный уровень. Под это мероприятие были выделены солидные средства, позволившие провести масштабные работы по консервации и реставрации, обустройству инфраструктуры. Слово «Изборск» стало приобретать символический смысл. Во время празднования юбилея крепости появляется так называемый экспертный Изборский клуб как сообщество озабоченных российской государственностью интеллектуалов, деятелей науки и искусства, чиновников антилиберальной ориентации (председатель А.А. Проханов). Как сказал член клуба М. Делягин, его цель — «создание интеллектуальной альтернативы либеральному проекту». С 2013 г. начал издаваться одноименный журнал. В 2014 г. там был организован международный фестиваль военно-исторической реконструкции и средневековой культуры «Железный град».

2. Место в глубинке превращается в региональный проект, обладающий символическим ресурсом областного или республиканского масштаба. Однако при удачном стечении обстоятельств он может превратиться в туристическую достопримечательность федерального масштаба. Так, г. Готьма Вологодской области был некогда важным торговым центром на пути к Белому морю, однако Петр Первый, как здесь говорят, открыв окно в Европу, захлопнул форточку

в Тотме. Город превратился в глухое место на карте России. Сейчас местные и областные власти прилагают усилия по оживлению туризма, опирающегося на актуализацию прошлого, в том числе и истории отечественного мореплавания (тотемские купцы играли заметное место в русском освоении Америки). Этот исторический факт стал ресурсом, который позволил привлечь сюда обладающего огромным символическим капиталом Федора Конюхова для создания «Школы путешественников».

Резюме

Само по себе прошлое не имеет ценности. Однако отдельные элементы повествования о нем могут приобретать актуальный символический смысл, обслуживающий потребности конструирования индивидуальной и коллективной идентичности. Будучи привязанными к географическим объектам, они демонстрируют способность превращаться в туристические достопримечательности, как опорные точки современного социально-экономического развития населенных пунктов. Эта технология конвертации символических событий истории в опорные пункты развития туризма особенно важна для малых населенных пунктов глубинки, часто лишенных иного фундамента для современного роста. Современная Россия демонстрирует немало примеров такой конвертации, которая идет, как правило, стихийно и на основе логики здравого смысла. Включение концептуальной модели трансформации истории — личной и коллективной — в стратегии территориального развития могло бы повысить эффективность этого процесса.

Литература и источники

Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск» [<http://www.museum-izborsk.ru/ru/page/Isborsk>]. Дата доступа 06.06.2015.

Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Указ Президента Российской Федерации «О праздновании 1150-летия основания Изборска» [<http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1285530>]. Дата доступа 06.06.2015.

Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012а.

Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., Издательский дом Высшей школы экономики, 2012б.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005, 2–3 (40–41).

Cubitt G. Historical Approaches: History and Memory. Manchester, GBR: Manchester University Press, 2007.